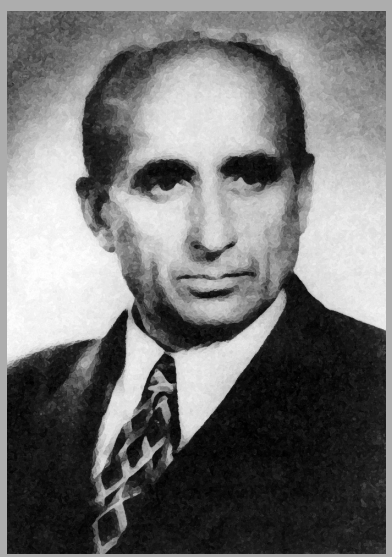
НАУЧНАЯ И ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИСТОРИКА А. П. СМИРНОВА

Алексей Петрович Смирнов (1899-1974), известный историк и археолог, принадлежит к плеяде выдающихся советских ученых, которые в сложное для страны время смогли обеспечить нормальное развитие науки, несмотря на давление объективных условий жизни и попытки партийных и государственных органов удерживать мысль исследователей в продиктованном партией направлении.

Судьба советской исторической науки в этот период была трагична. Во-первых, как общественная наука она подвергалась значительно более сильному давлению власти, чем многие другие отрасли науки. Во-вторых, общество рассматривало биологов и физиков по преимуществу как жертв режима, а историков как его слуг. Между тем, по выражению историка В. Б. Кобрина, гуманитариям руки заламывали посильнее, да и к тому же крутили их поочередно в разные стороны[1]. Эти слова находят подтверждение и на примере вполне благополучной, с первого взгляда, биографии А. П. Смирнова — доктора исторических наук, профессора МГУ им. М. В. Ломоносова, долгое время заместителя директора Государственного исторического музея и Института археологии (Института истории материальной культуры) АН СССР.

А. П. Смирнов родился 29 мая 1899 г. в Москве в семье присяжного поверенного. Позднее он писал: «Воспитание я получил в дореволюционной России»[2]. Этим, по-видимому, можно объяснить тот факт, что А. П. Смирнов, известный в конце 1920-х — начале 1930-х гг. как «боевой» марксист-археолог[3], был верующим человеком. Может быть, именно по этой причине в научных работах большое внимание он уделял проблемам религиозной жизни древних обществ[4].

В 1916 г. А. П. Смирнов окончил реальное училище, затем был призван в действующую армию. Пока невозможно установить, как он оказался «в солдатах» и где служил. В 1922 г. А. П. Смирнов — студент археологического отделения факультета общественных наук 1-го МГУ. Руководителем факультета в то время был известный археолог В. А. Городцов (1860-1945),

автор ряда трудов по первобытной археологии[5]. Одним из преподавателей отделения археологии был профессор Ю. В. Готье (1873-1943), также автор многочисленных научных работ[6]. Эти два исследователя стали учителями А. П. Смирнова и сыграли важную роль в его научной жизни. От В. А. Городцова А. П. Смирнов перенял навыки скрупулезного изучения археологического материала, от Ю. В. Готье — методику широких исторических построений на базе как вещественных, так и письменных источников.

С 1923 по 1926 г. А. П. Смирнов работал под руководством В. А. Городцова. Тогда же начались его самостоятельные археологические разведки и раскопки. С 1924 г. он руководил работами археологических экспедиций в Московской и Ивановской областях[7] (исследовал в основном курганы вятичей и памятники эпохи Московской Руси), Краснодарском крае[8] (столица Великой Болгарии — Фанагория), в Коми АССР[9], Удмуртской АССР[10] (городища Иднакар, Сабанчикар, Дондыкар, Кушманское, могильники Бигер-Шай, Вужшай, Чемшай)[11]; принимал участие в экспедициях в Южной Осетии[12].

Одновременно студент А. П. Смирнов работал в научных и учебных учреждениях Москвы. В 1925 г. он — преподаватель истории культуры в Центральном медицинском техникуме, затем доцент курсов повышения квалификации музейных работников сектора науки Наркомпроса РСФСР, курсов при историческом музее[13].

После окончания МГУ в 1926 г. А. П. Смирнов поступил в аспирантуру отдела археологии Института археологии и искусствознания Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук. В 1929 г. он защитил кандидатскую диссертацию на тему «Археология прикамских финнов в X-XIV вв.» и остался работать в институте старшим научным сотрудником.

В этот период А. П. Смирнов написал ряд статей[14], которые, по мнению специалистов-археологов М. Г. Ивановой, Э. А. Савельевой и Т. Б. Никитиной[15], принадлежат к основополагающим исследованиям методологического и методического характера в попытках реконструкции общественного строя прикамских финнов от Ананьинской эпохи (VIII-IV вв. до н. э.) до средневековья.

Однако в жизни и карьере А. П. Смирнова было не все так гладко, как может показаться на первый взгляд. С 1929 г. в стране стало «раскручиваться» сфабрикованное ОГПУ «Академическое дело». К началу 1930 г. количество арестованных по нему превысило 100 человек. Среди осужденных оказался и один из учителей А. П. Смирнова — Ю. В. Готье. Подозреваемым по делу историков проходил В. А. Городцов. В следственном деле академика С. Ф. Платонова* он фигурировал как участник «боевой группы» «Всенародного союза борьбы за возрождение свободной России». На эту мысль устроителей процесса натолкнуло то обстоятельство, что вокруг В. А. Городцова группировалось много молодежи, «с которой он занимается по археологии и производит археологические раскопки»[16].

В атмосфере всеобщих подозрений, поисков «врагов народа» А. П. Смирнов был вынужден дистанцироваться от своих учителей и выступить с официальным покаянием. В 1932 г. в сообщениях Государственной академии истории материальной культуры вышла совместная статья А. В. Арциховского, С. В. Кисилева и А. П. Смирнова под названием «Возникновение, развитие и исчезновение “марксистской археологии”»[17]. В ней авторы тщательно разбирали и критиковали свои прежние «ошибки», теории В. А. Городцова и А. А. Спицина. Статья заканчивалась утверждением, что «при диалектическом понимании исторических источников археология теряет право на существование как самостоятельная наука. Она подлежит упразднению, как подлежит упразднению и этнография»[18]. В 1937 г. редакцией журнала «Советская археология» статья Смирнова была оценена как одно «из крайних проявлений ликвидаторства» (имеется в виду ликвидация археологии как науки. — *А. О.*), но ее авторы характеризовались

* Платонов Сергей Федорович (1860-1933), историк, академик РАН (1920 г.). В 1930 г. был арестован по «Академическому делу», умер в ссылке.

лишь как дезориентированные «систематическим вредительством врагов народа» научные работники[19].

В том, что А. П. Смирнов, А. В. Арциховский и С. В. Кисилев избежали ареста, сыграл также тот факт, что они активно сотрудничали с «Обществом историков-марксистов» М. Н. Покровского*, который был не последней фигурой в разработке «Академического дела».

А. П. Смирнов был вынужден также признать официальную «автохтонную» теорию этногенеза народов академика Н. Я. Марра**. Это впоследствии отразилось на его исторических построениях, касавшихся этногенеза татарского и чувашского народов[20].

Можно предположить, что именно политическая обстановка в стране заставила ученого сменить сферу своих научных интересов и перейти с проблем этногенеза финно-угорских народов к вопросам истории и археологии Волжской Булгарии.

С 1933 г. А. П. Смирнов — руководитель Суварской археологической экспедиции. Здесь впервые разрабатывалась и применялась научная методика раскопок булгарских городов, благодаря которой был получен богатый и четко документированный материал, легший в основу современных представлений о материальной и духовной культуре волжских булгар[21]. В 1938 г. А. П. Смирнов начал планомерные исследования археологических остатков г. Болгара. В 1940 г. вышел его капитальный труд «Очерки по истории древних булгар»[22], в котором он осветил политическую, социальную и экономическую жизнь волжских булгар.

С началом Великой Отечественной войны А. П. Смирнов записался в армию добровольцем. Он принимал участие в боях за Москву, был начальником отряда экспедиции особого назначения наркомата обороны по изучению местности на предмет строительства укреплений и выполнял поручения Государственной чрезвычайной комиссии по установлению ущерба, причиненного фашистскими захватчиками.

В конце 1944 г. А. П. Смирнов, несмотря на тяжелые условия военного времени, защитил докторскую диссертацию на тему «Волжские булгары»[23].

Послевоенный период — время расцвета научной и педагогической деятельности А. П. Смирнова. Он являлся организатором и руководителем Куйбышевской и Чувашской археологических экспедиций, благодаря работе которых был собран бесценный материал по древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья.

В 1951 г. увидела свет монография А. П. Смирнова «Волжские булгары»[24], в которой он рассмотрел формирование этноса и культуры, возникновение государства и его социально-политический строй, особенности хозяйственной жизни, военное искусство древних булгар.

Политическая обстановка, сложившаяся в стране во второй половине 1950-х гг., после критики культа личности И. В. Сталина и во время хрущевской «оттепели», позволила А. П. Смирнову более открыто высказывать свои мысли. В докладе по древней и средневековой истории народов Поволжья, прочитанном в Казани в декабре 1956 г. на конференции по археологии, он прямо заявил: «За последние годы изучение истории Золотой Орды зашло в тупик. Во всех исторических работах учитывается только разгром, только тяжелый гнет золотоордынской знати, только отрицательная сторона ее политики. Благодаря этому мы получаем одностороннюю картину. Этим страдали, в частности, решения сессии отделения истории и философии АН СССР в 1946 г.***, посвященные этногенезу татарского народа»[25]. Таким образом, в условиях «оттепели» А. П. Смирнов одним из первых в СССР призвал к объективному изучению истории Золо-

* Покровский Михаил Николаевич (1868-1932), советский государственный и партийный деятель, историк, с 1918 г. — заместитель наркома просвещения РСФСР.

** Марр Николай Яковлевич (1864-1934), лингвист, в 1919-1934 гг. — директор Академии истории материальной культуры.

*** Научная сессия АН СССР была созвана в апреле 1946 г. по решению ЦК ВКП(б) и Татарского обкома ВКП(б) для рассмотрения вопроса происхождения казанских татар. Она состоялась в форме совместной научной конференции ученых Отделения истории и философии АН СССР и Института языка, литературы и истории Казанского филиала АН СССР. Цель сессии — канонизация однобокого подхода к изучению истории происхождения татарского народа, ограничение этого процесса рамками Волжской Булгарии, отрыв его от истории Золотой Орды (см.: Татарский энциклопедический словарь. – Казань, 1999. – С. 389).

Археологические работы на Болгарском городище. 1966 г. Фото А. П. Смирнова. Архив Болгарского историко-архитектурного музея-заповедника, документальный фонд, инв. № 1.

А. П. Смирнов (справа) проводит нивелировку местности перед началом археологических работ. Болгар, 1970 г. Архив Болгарского историко-архитектурного музея-заповедника, документальный фонд, инв. № 9-1.

В 1957 г. под руководством А. П. Смирнова была создана Поволжская археологическая экспедиция. В 1959 г. началось археологическое изучение золотоордынских городов. Основные работы велись на месте бывших столиц Улуса Джучи — Сарай-Бату (Сарай аль-Махруса) и Сарай-Берке (Сарай аль-Джадид), археологически представленных расположенными в Волгоградской и Астраханской областях Селитренным и Царевским городищами. В 1969 г. А. П. Смирнов, уже тяжело больной, передал руководство экспедицией своему ученику Г. А. Федорову-Давыдову.

Плодотворная работа Поволжской археологической экспедиции за 40 лет дала богатейший материал, окончательно опрокинув старые представления о Золотой Орде как о государстве преимущественно кочевом, с малочисленными городами, слаборазвитой торговлей и ремеслом[26]. Ее результаты позволили ученику А. П. Смирнова Федорову-Давыдову сделать вывод о том, что золотоордынские города были центрами международной торговли, узлами торговых путей, входящих в систему северных маршрутов Великого шелкового пути, связывающего Восток с Западом[27]. Данный вывод не мог бы состояться без того творческого и организационного импульса, который дал своим талантом работе экспедиции А. П. Смирнов.

той Орды, выступив тем самым против известного Постановления ЦК ВКП(б) от 9 августа 1944 г. «О состоянии и мерах улучшения массово-политической и идеологической работы татарской партийной организации»*.

* Постановление было принято по докладу секретаря Татарского обкома ВКП(б) В. Д. Никитина и заместителя начальника Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) М. Т. Иовчука. В нем ряд историков и литераторов обвинялись в допущении серьезных ошибок националистического характера в освещении истории Татарстана (приукрашивание Золотой Орды, популяризация эпоса «Идегей») (см.: Татарский энциклопедический словарь. – Казань, 1999. – С. 412).

ПРИМЕЧАНИЯ:

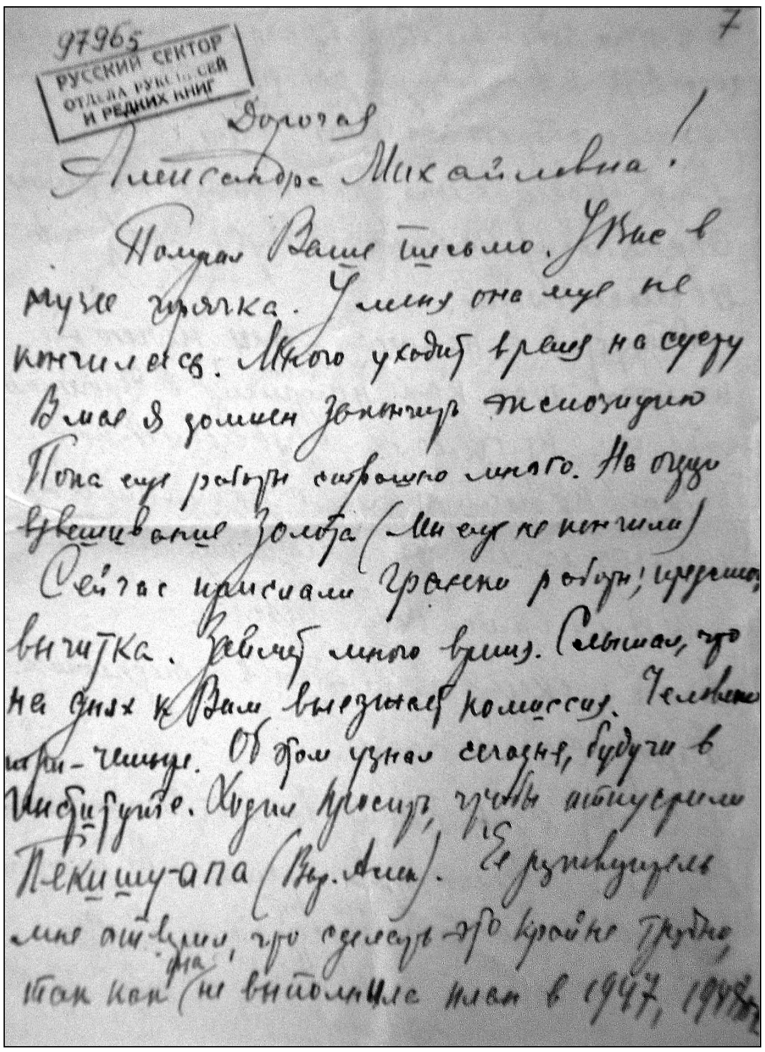
1. Кобрин В. Б. Кому ты опасен, историк? – М., 1992. – С. 12.
2. Письмо А. П. Смирнова А. М. Ефимовой от 20 сентября 1971 г. // ОРРК НБЛ КГУ, ед. хр. 9819, письмо № 13, л. 17.
3. Генинг В. Ф. Очерки по истории советской археологии. – Киев, 1982. – С. 100.
4. Иванова М. Г., Савельева Э. А., Никитина Т. Б. Слово об учителе // Финно-угры Поволжья в средние века. – Ижевск, 1999. – С. 10.
5. Сафонов И. Е. В. А. Городцов и изучение эпохи бронзы восточно-европейской степи и лесостепи. Автореф. дис. … канд. ист. наук. – Воронеж, 2002. – 23 с.
6. Готье Ю. В. Очерки по истории материальной культуры Восточной Европы до основания первого русского государства. – Л., 1925. – 271 с.; Он же. Железный век в Восточной Европе. – М.-Л., 1930. – 280 с.
7. Смирнов А. П. Разведки со студентами 1 МГУ факультета общественных наук в Московском, Сергиевском, Воскресенском и Клинском уездах Московской губернии // Рукописный архив Института истории материальной культуры РАН (ИИМК РАН), ф. 2, оп. 1, д. 177; Он же. Раскопки в Волоколамском уезде Московской губернии // Рукописный архив ИИМК РАН, ф. 2, оп. 1, д. 153; Он же. Предварительный отчет о работах по археологическому надзору на строительстве Московского метрополитена // Рукописный архив ИИМК РАН, ф. 2, оп. 1, д. 79; Он же. Краткое описание раскопок, произведенных близ села Турова Славинской волости Макарьевского уезда Иваново-Вознесенской губернии // Отчет о деятельности Иваново-Вознесенского губернского научного общества краеведения за 1928 год. – Иваново-Вознесенск, 1929. – С. 67-79.
8. Он же. Отчет о работе Фанагорийской экспедиции в 1937 году // Рукописный архив ИИМК РАН, ф. 2, оп. 1, д. 236.
9. Он же. Отчет о раскопках в автономной области Коми // Рукописный архив ИИМК РАН, ф. 2, оп. 1, д. 154.
10. Он же. Раскопки на городище Кар-ил Глазовского уезда Вотской области // Рукописный архив ИИМК РАН, ф. 2, оп. 1, д. 156; Он же. Раскопки в Глазовском уезде Вотской автономной области. Переписка // Рукописный архив ИИМК РАН, ф. 2, оп. 1, д. 138; Он же. Отчет о работе Удмуртской экспедиции в 1931 году // Рукописный архив ИИМК РАН, ф. 2, оп. 1, д. 876.
11. Останина Т. И. Археологические исследования А. П. Смирнова на территории Удмуртии // Научное наследие А. П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья: Сб. тезисов докладов конференций, посвященной 100-летию со дня рождения А. П. Смирнова. – М., 1999. – С. 4-5.
12. Смирнов А. П. Пчелина Е. Г. Дневник археологических раскопок, произведенных близ села Нули, Авнеевского сельсовета, в Юго-Осетии, на правом берегу реки Проне // Известия Юго-Осетинского научно-исследовательского института краеведения. – 1933. – Вып. 1. – С. 18-24.
13. Федоров-Давыдов Г. А. Памяти Алексея Петровича Смирнова // Древности Волго-Камья. – Казань, 1977. – С. 4.
14. Смирнов А. П. Социально-экономический строй восточных финнов 9-13 вв. н. э. // Труды секции теории и методологии Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук. – М., 1928. – Т. 2. – С. 69-93. Он же. Финские феодальные города // На удмуртские темы. Ученые записки Научно-исследовательского института народов Советского Востока. – М., 1931. – Вып. 2. – С. 45-60; Он же. Памятники феодального строя среди удмуртов (Отчет археологической экспедиции по изучению реки Валы) // Записки Удмуртского научно-исследовательского института социалистической культуры. – Ижевск, 1937. – Вып. 7. – С. 177-197; Он же. Производство и общественный строй у народов Прикамья в 1 тысячелетии нашей эры (по данным археологии) // Записки Удмуртского научно-исследовательского института социалистической культуры. – Ижевск, 1938. – Вып. 8. – С. 202-251; Он же. Прикамье в 1 тысячелетии нашей эры // Труды Государственного исторического музея. – М., 1938. – Вып. 8. – 84 с.
15. Иванова М. Г., Савельева Э. А., Никитина Т. Б. Слово об учителе // Финно-угры Поволжья в средние века. – Ижевск, 1999. – С. 9.
16. Формозов А. А. Русские археологи и политические репрессии 1920-1940 гг. // Российская археология. – 1998. – № 3. – С. 194.
17. Арциховский А. В., Кисилев С. В., Смирнов А. П. Возникновение, развитие и исчезновение «марксистской археологии» // Сообщения Государственной академии истории материальной культуры. – 1932. – № 1-2. – С. 47-48.
18. Там же. – С. 48.
19. О вредительстве в области археологии и о ликвидации его последствий // Советская археология. – 1937. – № 3. – С. 8.
20. Смирнов А. П. К вопросу о происхождении татар Поволжья // Происхождение казанских татар. – Казань, 1948. – С. 5-26; Он же. Археологические памятники Чувашии и проблемы этногенеза чувашского народа // О происхождении чувашского народа. – Чебоксары, 1957. – С. 5-27.
21. Он же. Сувар. Итоги раскопок 1933-1937 гг. // Труды Государственного исторического музея. – М., 1941. – Вып. 16. – С. 135-171.
22. Он же. Очерки по истории волжских булгар // Труды Государственного исторического музея. – М., 1940. – Вып. XI. – С. 55-136.
23. Он же. Волжские булгары (Тезисы док. дисс.) // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. – М., 1946. – Вып. XIII. – С. 158-159.
24. Он же. Волжские булгары. – М., 1951. – 273 с.

25. Он же. Некоторые вопросы средневековой истории Поволжья. – Казань, 1957. – С. 31.
26. Рудаков В. Г. История изучения Селитрянного городища // Российская археология. – 2000. – № 2. – С. 180-191.
27. Федоров-Давыдов Г. А. Золотоордынские города Поволжья. – М., 1994. – С. 13.

№ 1. Из письма А. П. Смирнова своей казанской ученице А. М. Ефимовой

4 февраля 1955 г.

[…]* Некто, приехавший из Казани, сделал в Москве такое заявление полуофициального характера. В Казани все ведущие учреждения глубоко отрицательно относятся к болгарской проблеме и к памятникам старины. Такое мнение существует в обкоме и сов[ете] мин[истров]. С этой точки зрения, отрицательно относятся и к деятельности Смирнова, подымающего нездоровый шум вокруг Болгар и исторических памятников.

Фрагмент письма А. П. Смирнова А. М. Ефимовой от 3 сенября 1949 г. ОРРК НБЛ КГУ, ед. хр. 9796, письмо № 2, л. 7.

Мих[аил] Мих[айлович] Герасимов[1], антрополог, встретил в Московском метро весьма прилично одетого гражданина, который обратился к нему с вопросом: «Не вы ли скульптор-антрополог М. М. Герасимов?». На что тот, галантно изогнувшись, ответил: «Да, я, чем могу служить?». Незнакомец ответил: «Ты мне уже услужил. Я из-за тебя получил десять лет — с меня довольно. Я тебе не прощу. Я или мой товарищ тебя убьем». Теперь Герасимов ходит с опаской, относясь к этому, правда, с чувством иронии, с юмором висельника.

В Москве слышал, что поэт Твардовский, написавший «Вас[илия] Тер[кина]», написал еще одну поэму… «Теркин в аду». Говорят, что эта поэма забракована и света не увидит.

ОРРК НБЛ КГУ, ед. хр. 9802, письмо № 2, л. 2.

* В связи с тем, что тексты писем содержат субъективные оценки личного характера, они приводятся выборочно (здесь и далее подстрочные примечания автора вступительной статьи).

№ 2. Из письма А. П. Смирнова своей казанской ученице А. М. Ефимовой

25 мая 1956 г.

[…] Я был в Чебоксарах*. Наградили меня и Серебренникова Б. А.[2] — лингвиста, члена-корр[еспондента] АН СССР — почетными грамотами Президиума Верховного Совета Чувашии за разработку истории Чувашии. Мы оба говорили почти одно и то же. Чуваши по этническому происхождению финно-угры, а по языку тюрки. Тюркизация связана с болгарами. […] Почти все резко выступали против нас. Никто не хотел быть финном. Все искали знаменитых предков. Обвиняли Юсупова[3] и в завуалированной форме Воробьева[4] в фальсификации научных фактов. Это опять-таки связано с угро-финской теорией. Нехорошо выступал Денисов[5] и против нас, и открыто против Ворбьева. Очень корректно выступал Гимади[6], несколько хуже Калинин[7], хотя тоже вполне корректно… Нам дали понять, что нами недовольны, в очень прозрачной форме. Мы сделали вид, что намека не поняли. Очень хорошо выступал Никольский Ник[олай] Вас[ильевич][8]. Ему здорово попало. В заключительной части я был принужден сказать несколько слов о правоте Ник[олая] Вас[ильевича], но, конечно, это успеха не имело. Выступал я также в защиту научной честности Юсупова и казанских этнографов. Все это впустую.

ОРРК НБЛ КГУ, ед. хр. 9803, письмо № 3, л. 3.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Герасимов Михаил Михайлович (1907-1970), антрополог, археолог, скульптор, доктор исторических наук (1950 г.). Работал в Институте этнографии АН СССР. Автор скульптурных портретов людей от глубокой древности до периода средневековья (в том числе по антропологическим материалам Волжской Булгарии и Золотой Орды).
2. Серебренников Борис Александрович (1915-1989), языковед, член-корреспондент АН СССР (1984 г.). С 1948 г. — в Московском университете, с 1950 г. — в Институте языкознания АН СССР. Труды по проблемам общего и сравнительно-исторического языкознания, тюркским, финно-угорским, алтайским, индоевропейским языкам (см.: Татарский энциклопедический словарь. – Казань, 1999. – С. 515).
3. Юсупов (Йосыпов) Гарун Валеевич (1914-1968), тюрколог, этнограф. В 1946-1949 гг. — в Казанском университете, в 1953-56 гг. — в Институте истории, языка и литературы Башкирского филиала АН СССР, с 1957 г. — в Институте языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова КФАН СССР. Собрал и составил уникальный свод эпиграфических памятников Поволжья и Приуралья (см.: Татарский энциклопедический словарь. – Казань, 1999. – С. 679).
4. Воробьев Николай Иосифович (1889-1967), этнограф, географ, историк, доктор исторических наук (1945 г.). С 1922 г. — заведующий этнографическим и естественно-историческим отделами Государственного музея ТАССР. В 1934-1945 гг. — профессор Казанского педагогического института и Казанского государственного университета. С 1945 г. — заместитель директора, заведующий сектором Института языка, литературы и истории КФАН СССР. Труды по культуре и быту поволжских народов, географии Поволжья (см.: Татарский энциклопедический словарь. – Казань, 1999. – С. 121).
5. Денисов Петр Владимирович (род. в 1928 г.), заслуженный деятель науки Чувашской Республики. Специалист по этногенезу, этнической истории и традиционной культуре тюркских народов Поволжья, а также истории развития этногенетических исследований в Чувашии (подробнее см.: Димитриев В. Д. Академику П. В. Денисову — 70 лет // Известия Национальной академии наук и искусств Чувашской Республики. – 1998. – С. 169-172).
6. Гимади Хайри (Гимадутдинов Хайрутдин Гимадеевич) (1912-1961), историк. В 1933-1943 гг. преподавал в вузах Казани. С 1943 г. — в Институте языка, литературы и истории КФАН СССР, в 1945-1959 гг. — заведующий сектором истории. Труды по истории Татарстана, этногенезу татар (см.: Татарский энциклопедический словарь. – Казань, 1999. – С. 147).
7. Калинин Николай Филиппович (1888-1959), археолог, историк. С 1921 г. — в Государственном музее ТАССР и Казанском университете, с 1942 г. — в Институте языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова КФАН СССР. Труды по истории и археологии Казани, Среднего Поволжья (см.: Татарский энциклопедический словарь. – Казань, 1999. – С. 256).
8. Никольский Николай Васильевич (1878-1961), историк, этнограф. В 1940-1950 гг. — старший научный сотрудник Марийского НИИ языка, литературы и истории. Труды по этнографии народов Среднего Поволжья (подробнее см.: Димитриев В. Д. Н. В. Никольский — чувашский ученый, просветитель, общественный деятель. – Чебоксары, 1993).

Фото на с. 79: Смирнов А. П. Финно-угры Поволжья в средние века. – Ижевск, 1999. – С. 2.

Публикацию подготовил
Александр Овчинников,
аспирант Института Татарской энциклопедии АН РТ

* Речь идет о научной сессии Чувашского НИИ языка, литературы, истории и экономики, которая состоялась 21-22 мая 1956 г. в Чебоксарах и была посвящена вопросам этногенеза чувашского народа.